

Х. Момджян

Социалистическое общество и творческая активность личности

В лице революционного пролетариата на арену социально-политической борьбы выступила сила, призванная совершить коренной, революционный переворот в жизни человечества.

Ни перед одним общественным классом не стояли и не могли стоять столь величественные по своим масштабам и значимости задачи, какие история поставила перед пролетариатом. Он призван уничтожить социальный строй, основанный на порабощении и эксплуатации человека человеком, построить коммунистическое общество, навсегда избавляющее человечество от социального гнета и нищеты, от кровопролитных и разрушительных войн, от всех и всяческих форм насилия.

Разрешение этих поистине гигантских, эпохиальных задач, естественно, обусловлено необходимостью максимального напряжения всех сил революционного класса, ясного сознания величия цели и реальных, научно-обоснованных путей и методов ее достижения, беззаветного мужества, стойкости и негибкой воли к победе.

Никогда еще победа нового общественного строя не требовала такого высокого уровня сознания и воли, какие необходимы для торжества коммунизма. Никогда еще ни один общественный класс не был призван действовать с такой целеустремленной активностью, с какой призван действовать пролетариат для осуществления своей исторической миссии. Это явление имеет свои глубокие социальные корни. Если все докоммунистические общественно-экономические формации — рабовладельческая, феодальная, капиталистическая — складывались в недрах предыдущего им общества и при этом складывались стихийно, независимо от воли и сознания людей, то в отличие от этих формаций социализм не складывается стихийно, а строится. Капитализм в процессе своего развития с исторической неизбежностью создает все материальные, социально-экономические и политические предпосылки победы социализма, но не сами социалистические отношения. Реализация этих возможностей в действительность, построение коммунистического общества требуют сознательной борьбы и беззаветного труда миллионов трудящихся, руководимых коммунистической партией. Вот почему фаталистическое понимание развития общественной жизни, проповедь пассивного приспособления к существующим порядкам, созерцательность и преклоне-

ние перед стихийностью не могли не быть глубоко чуждыми и враждебными всему духу, всему миропониманию революционного пролетариата.

Это принципиально-враждебное отношение революционного пролетариата к пассивному выжиданию лучшего будущего, ко всем формам и разновидностям веры в фатум, рок, к трусливой ставке на самотек и стихийность нашли свое выражение и научное обоснование в марксистско-ленинской философии.

Диалектический материализм, возникновение которого знаменовало величайший переворот в истории философской мысли, выступил как философия революционного действия и борьбы. Он теоретически развенчал и опрокинул метафизические представления о мире как о скоплении застывших, окаменевших вещей, явлений, лишенных движения, развития.

Диалектический материализм воспроизвел подлинную картину мира, этого великого, единого целого, где все предметы связаны между собою, взаимодействуют и взаимообуславливают, где идет непрерывный процесс становления, вечный процесс борьбы между новым и старым, вечный процесс развития по восходящей линии. Там, где метафизика видела всегда себе равные, лишенные антагонизмов, „спокойные“ целостности, диалектический материализм открыл раздвоенные единства и борьбу противоположностей, внутренние противоречия, являющиеся стимулами развития, источниками активности.

Марксистско-ленинская философия резко отвергла созерцательность в тех или иных формах, присущую всем предшествующим диалектическому материализму философским системам.

„Философы, — писал Маркс, — лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его“.¹

Это принципиальное отрицание созерцательного отношения мысли к действительности, враждебность к квиетизму, к пассивности, как мы отметили, обусловлено сущностью самого диалектического материализма. В полном соответствии с реальной жизнью философия марксизма-ленинизма все сущее рассматривает в постоянной борьбе и движении, а историю человечества — с возникновением и существованием классового общества — как историю борьбы классов, где сила и скорость поступательного развития общества во многом зависят от осознанной и организованной борьбы передового класса против всех консервативных, реакционных сил данной общественно-экономической формации.

Философия марксизма-ленинизма возникла и развивалась в непримиримой борьбе не только против субъективно-идеалистического понимания истории, которое, игнорируя материальные условия жизни, превращало волю и сознание отдельных людей в творцов исто-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 591.

рии, в решающие пружины общественного развития, но и против фаталистического взгляда на исторический процесс.

Исторический фатализм пытается представить общественную жизнь как безличный, стихийный процесс, обусловленный якобы неумолимыми, от воли и сознания людей абсолютно независимыми роковыми законами, исключающими будто бы всякое значение осознанной и целеустремленной деятельности людей на всех, без исключения, этапах истории человечества. Согласно этим фаталистическим представлениям воля и сознание людей имеют столько же значения в водовороте общественных событий, сколько значение могут иметь „воля“ и „сознание“ песчинки, уносимой ураганом. Человек в фаталистических системах выступает как манекен, как пассивный зритель, ни в какой степени не способный наложить отпечаток своего сознания и воли на исторический процесс, predetermined с такой же роковой необходимостью, как заход и восход солнца, как приливы и отливы океанов.

„Тщетно мятется человек,—пишет фаталист Ле-Бон,—им управляют такие высшие силы, как закон неизбежности, среда, влияние прошлого, которые древними объединялись под именем судьбы. Судьбу эту можно проклинать, но избежать ее невозможно“.

Эта ложная и антинаучная фаталистическая концепция, с ее открытым или замаскированным теолого-мистическим духом, служила и служит в руках господствующих реакционных классов одним из орудий для обмана и обезволивания масс, для разложения всякой активности, направленной на революционное преобразование жизни.

Марксистско-ленинская философия показала всю реакционность и научную несостоятельность фаталистического взгляда на историю, исходящего из антинаучного отождествления характера закономерностей в обществе и в природе.

Закономерности, существующие в природе, складываются в результате воздействия друг на друга слепых, стихийных сил, лишенных, само собой разумеется, всякой воли и цели, в то время как закономерности человеческого общества складываются на основе деятельности людей, обладающих сознанием и волей и преследующих конкретные цели.

Неоспоримо, как это впервые открыли и научно обосновали основоположники марксизма, что производительные силы и производственные отношения, являющиеся основой общественной жизни, складываются и развиваются независимо от сознания людей. Люди вынуждены помимо своей воли и сознания унаследовать производительные силы и производственные отношения, созданные предшествующими поколениями. В повседневной своей деятельности, усовершенствуя орудия производства, они не в состоянии предвидеть, к каким общественным результатам приведут их усилия. Но, однако, неосознанность людьми общественно-политической значимости своей деятельности в докоммунистических формациях носит не абсолютный,

а относительный характер. „До известного периода,—учит товарищ Сталин,—развитие производительных сил и изменения в области производственных отношений протекают стихийно, независимо от воли людей. Но это только до известного момента, до момента, пока возникшие и развивающиеся производительные силы успеют, как следует, созреть. После того, как новые производительные силы созрели, существующие производственные отношения и их носители—господствующие классы превращаются в ту „непреодолимую“ преграду, которую можно снять с дороги лишь путем сознательной деятельности новых классов, путем насильственных действий этих классов, путем революции. Здесь особенно ярко выступает *громадная роль* новых общественных идей, новых политических учреждений, новой политической власти, призванных упразднить силой старые производственные отношения“.¹ Со всей неотразимостью выводы, делаемые здесь товарищем Сталиным, опрокидывают фаталистическое толкование истории, фаталистическое отрицание роли сознания и воли людей в общественном развитии.

Из вскрытого и научно обоснованного факта о наличии в общественной жизни объективных, необходимых законов, марксистско-ленинская философия не только не делает выводов, отрицающих свободу воздействия людей, общественных классов на ход истории, но и впервые вскрывает условия, при которых только и возможно целеустремленно и активно влиять на исторический процесс. Диалектический материализм отверг метафизическое противопоставление необходимости и свободы, одинаково лежащее в основе как субъективной социологии, так и исторического фатализма. Необходимость и свобода—суть единство противоположностей. Необходимость лишь до тех пор исключает свободу, пока она, эта необходимость, не познана. Познание законов природы и общества, осуществляемое в процессе общественно-практической деятельности, дает возможность людям стать свободными в своих действиях, высвободиться от господствующих над ними и гнетущих их стихийных законов.

„Свобода,—писал Энгельс,—заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов и возможности поэтому планомерно пользоваться ими для определенных целей“.²

Точно также, необходимые законы развития общества до тех пор действуют фатально, как чуждые и подавляющие человеческую свободу силы, пока они не познаны. Познание этих законов не есть еще свобода, но является важнейшим шагом для завоевания этой свободы, для целеустремленного их направления.

„Общественные силы,—пишет Энгельс,—подобно силам природы, действуют слепо, насильственно и разрушительно, пока мы не

¹ И. Сталин. „Вопросы ленинизма“, изд. XI, стр. 561.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. XIV, стр. 114.

понимаем их и не считаемся с ними. Но раз мы узнали их, изучили их действие, направление и влияние, от нее самих зависит все более и более подчинить их нашей воле и через них достигать наших целей".¹

Это диалектико-материалистическое понимание единства необходимости и свободы, в корне подрывая фаталистическое принижение человека, его сознания и воли, является глубоким теоретическим обоснованием роли осознанной, активной, целеустремленной деятельности людей в общественном развитии.

С этих теоретических позиций основоположники марксизма вели беспощадную борьбу против тех, кто пытался представить переход от капитализма к социализму, как мирный процесс, осуществляющийся якобы автоматически, в результате развития производительных сил капитализма.

Ни одно классово-антагонистическое общество, учили основоположники марксизма, не сходит со сцены само собой, с фатальной необходимостью, в результате чисто экономического развития. Последнее неизбежно, закономерно подготавливает материальные предпосылки, создает возможности падения старого общества, но для осуществления этой возможности нужна осознанная и организованная классовая борьба против защитников старого общества, нужно политическое насилие, чтобы низвергнуть их. Насилие, как указывал Маркс, является повивальной бабкой истории. Ни одна общественно-экономическая формация не может появиться на свет без его помощи.

С этих теоретических позиций Маркс и Энгельс боролись против учений и политических организаций, проповедовавших, что освобождение рабочего класса осуществится само собой, в результате экономической эволюции, без революционно-политической борьбы, без активного и осознанного воздействия на ход общественного развития. В "Коммунистическом манифесте" Маркс и Энгельс подвергли гневной критике буржуазный социализм, который "старается отвлечь рабочих от всякого революционного движения, утверждая, что не те или другие политические изменения, а лишь преобразование материальных условий жизни, экономических отношений может принести пользу рабочему классу".²

Этим деморализующим, обрекающим пролетариат на пассивность учениям они противопоставили свою научную теорию классовой борьбы, завершив эту теорию учением о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, как решающих политических факторов для построения социалистического общества.

Учение Маркса и Энгельса об активном обратном воздействии надстроек на базис, об условиях, делающих возможным сознательное и целеустремленное воздействие на ход общественного развития, имело выдающееся значение для обезоруживания всевозможных фа-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. XIV, стр. 282—283.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 509.

талистических учений, стремившихся дезориентировать рабочий класс, помешать росту его социалистической сознательности и организованности, лишить его веры в свои силы и неисчерпаемые революционные возможности.

* * *

Великое теоретическое наследство Маркса и Энгельса подверглось коренной ревизии и фальсификации со стороны оппортунистов из II Интернационала. Из марксизма этими господами было выброшено и затушевано все, что даже отдаленно напоминало о пролетарской революции и диктатуре пролетариата.

„Марксизм“ Бернштейнов и Каутских был призван теоретически „обосновать“ ложные и антимарксистские измышления о притуплении классовых противоречий, о классовом мире, о мирной эволюции капитализма к социализму, о завоевании власти легально-парламентскими средствами и т. д.

Оппортунисты, взявшие курс на разоружение пролетариата, до основания извратили исторический материализм и его учение о роли сознания и организованности в общественном развитии. Прикрываясь именем Маркса, они пытались представить исторический процесс как автоматическую реализацию „неумолимых“ экономических законов, рассмотреть его как нечто фатальное, исключающее роль сознательной и целеустремленной деятельности, активную роль политики, политических и идеологических надстроек в борьбе за социализм.

Эта фаталистическая трактовка исторического процесса, непомерное раздувание и абсолютизация „экономического фактора“ и принижение роли и значения политики, политической борьбы нашло свое выражение в пресловутых теориях „стихийности“ и „производительных сил“, занимавших особое место в идеологическом арсенале международного и русского меньшевизма. Трудно переоценить деморализующую роль этих „теорий“. В грозовой обстановке империализма, требовавшей от рабочего класса мобилизации всех сил, ясного сознания, максимальной организованности и спаянности, непреклонной воли и революционной энергии, все эти оппортунистические измышления об автоматическом переходе капитализма в социализм, все эти словословия в честь стихийности и самотека были настоящим дурманом для революционного класса.

Нужна была сокрушительная критика всего оппортунистического идейного арсенала II Интернационала, всех его мертвящих догм и в их числе фаталистической трактовки исторического процесса.

Эта великая историческая задача была выполнена ленинизмом, явившимся не только восстановлением революционного марксизма, но и его дальнейшим развитием и конкретизацией соответственно новым условиям эпохи империализма. Соответственно требованиям революционной эпохи Ленин и Сталин уделили особое внимание вопросу о

роли социалистической сознательности и организованности в борьбе за социализм. Развивая марксизм дальше, они дали глубокое научное обоснование роли и влияния политико-правовых идей и учреждений, политических организаций, всех форм общественного сознания на базис, на развитие производительных сил и производственных отношений. Разрабатывая теорию пролетарской революции, Ленин и Сталин со всей научной глубиной вскрыли роль сознания, воли и организованности в борьбе за победу передовых сил общества, за победу социализма.

Уже в „Что такое „друзья народа“ Ленин, наряду с разоблачением антинаучного, реакционного характера субъективно-идеалистической социологии народников, развенчал попытки Михайловского и других теоретиков народничества расценить марксистскую критику идеалистического понимания истории как фаталистическое отрицание значения сознания, сознательной деятельности в общественном развитии, роли и значения личности, идейных мотивов и т. п. в истории.

Глубокую, неотразимую критику исторического фатализма Ленин дал в „Экономическом содержании народничества“. Ленин показал ту пропасть, которая лежит между революционным марксизмом и буржуазным объективизмом Струве. В отличие от этого буржуазного объективизма, марксизм, устанавливая необходимый характер возникновения и развития капитализма, не приходит к выводу о „непреодолимости исторических тенденций“, а вскрывает классовую антагонистическую структуру капиталистического общества, роль пролетариата как силы, призванной уничтожить капиталистические отношения, и активно направляет борьбу рабочего класса.

Ленин и Сталин отстаивали и развили марксистское учение о роли сознательной и организованной деятельности в истории в непримиримой борьбе против „экономистов“ и их „теории“ стихийности“, в которой с полной отчетливостью отразилось фаталистическое преклонение перед капиталистической стихией, отрицание революционно-политической борьбы против основ капитализма, отрицание необходимости и превнесения социалистического сознания в стихийное рабочее движение.

Осмеивая утверждение „экономистов“, что деятельность, направленная на активное, планомерное, сознательное воздействие на ход общественного развития, противоречит марксизму, Ленин писал: „Тактика-план противоречит основному духу марксизма!“. Да это клевета на марксизм, превращение его в ту самую карикатуру, которую противопоставляли нам в войне с нами народники. Это именно принижение инициативы и энергии сознательных деятелей, тогда как марксизм дает, напротив, гигантский толчок инициативе и энергии социал-демократа, открывая ему самые широкие перспективы, отдавая (если так можно выразиться) в его распоряжение могучие силы миллионов и миллионов „стихийно“ поднимающегося на борьбу рабочего класса“.¹

¹ Ленин. Соч., т. IV, стр. 398, изд. III.

Глубокая вера Ленина в роль революционной энергии в общественном развитии, роль сознания и воли для достижения реальной цели нашло свое выражение в высказывании, ставшем крылатым: „Дайте нам организацию революционеров—и мы перевернем Россию“.¹

Вместе с Лениным и с полным единодушием с ним товарищ Сталин повел борьбу против защитников оппортунистической „теории“ стихийности, против антимарксистского, вульгарно-материалистического принижения роли социалистического сознания и организованности в рабочем движении. „Наша обязанность, обязанность социал-демократов,—писал товарищ Сталин,—совлечь стихийное движение рабочих с тред'юнионистского пути и поставить его на путь социал-демократический. Наша обязанность—внести в это движение социалистическое сознание* и объединить передовые силы рабочего класса в одну централизованную партию. Наша задача—итти всегда во главе движения и неутомимо бороться со всеми—будь то враг или „друг“,—кто будет мешать осуществлению этих задач“.²

Решительная борьба Ленина и ленинцев против „экономизма“ завершилась поражением этого оппортунистического течения. Но худшие стороны „экономизма“ и его „философии“: хвостизм, фаталистическое преклонение перед стихийностью и самотеком, игнорирование передовой теории и революционной партии нового типа, отказ от насильственного низвержения капитализма и завоевания диктатуры пролетариата были в своеобразной форме унаследованы и развиты меньшевизмом.

Меньшевистские фальсификаторы марксизма отвергали возможность воздействия на стихийный ход развития производительных сил и преодоления того, что обусловлено данной степенью их развития. Рассуждениями о „непреодолимых“ объективных условиях, о „недостаточном уровне развития производительных сил“ они пытались сковать революционный порыв масс, сорвать большевистский курс на революционное низвержение царизма и капитализма в России. Революционно-действенному духу большевистской стратегии и тактике они противопоставляли жалкую смесь трусливых, пассивно-созерцательных, фаталистических идей, единственная цель которых заключалась в деморализации пролетариата, в стремлении погасить веру угнетенных в свои собственные силы, в возможность уничтожения капиталистического строя.

В работе „Две тактики социал-демократии в демократической революции“ Ленин, противопоставляя большевистские и меньшевистские резолюции по вопросу о ликвидации монархического строя в России, писал: „Одна резолюция выражает психологию активной борь-

¹ Ленин. Соч. т. IV, стр. 498.

* Которое *выработали* Маркс и Энгельс. (Примечание товарища Сталина).

² И. Сталин. Соч. т. I, стр. 106.

бы, другая — пассивного зрительства; одна проникнута призывом к живой деятельности, другая — мертвенным резонерством». ¹

Вся дальнейшая борьба Ленина и Сталина против русского и международного меньшевизма была борьбой против фаталистического преклонения перед стихийным экономическим развитием, борьбой за осознанное, организованное революционное воздействие на ход общественного развития.

Эта борьба между „психологией активной борьбы“ и „пассивного зрительства“, между „призывом к живой деятельности“ и „мертвенным резонерством“ с особой силой развернулась в период великих революционных событий 1917 года. Одной из важнейших предпосылок победы Великой Октябрьской революции явилось разоблачение и разгром большевиками предательских, демобилизующих рабочих класс идей и действий меньшевистских и прочих антимарксистских слуг буржуазии.

Победа социалистической революции в России явилась блестящим практическим подтверждением марксистско-ленинской теории. Великая революция на практике опрокинула все ложные, антияночные „концепции“ меньшевиков и в их числе вульгарно-материалистическое игнорирование сознания, воли, организованности в общественном развитии.

„Падение „экономистов“ и меньшевиков, — писал товарищ Сталин, — объясняется, между прочим, тем, что они не признавали мобилизующей, организующей и преобразующей роли передовой теории, передовой идеи и, впадая в вульгарный материализм, сводили их роль почти к нулю, — следовательно, обрекали партию на пассивность, на прозябание“. ²

Борясь против принижения роли активной, осознанной, волевой деятельности в общественной жизни, Ленин и Сталин одновременно с порога отвергали и разоблачали все и всяческие виды волюнтаризма, авантюризма в политике, всякое игнорирование решающей роли материальных условий жизни в историческом развитии.

С точки зрения марксистско-ленинской философии не всякое сознание и не всякая воля способны сколько-нибудь прочно и длительно наложить свой отпечаток на жизнь. Об этом, кстати сказать, красноречиво свидетельствует позорное поражение фашистских авантюристов. Разбойничий „энтузиазм“ и разрушительная воля этих палачей, направленная на то, чтобы отбросить человечество назад к рабству и средневековому изуверству, вступили в противоречие с объективным ходом истории, с ее логикой и были подавлены прогрессивными силами человечества, в авангарде которых идет наша великая социалистическая родина.

Ленин и Сталин ужили партию и народные массы, что на ход

¹ Ленин. Соч., т. VIII, стр. 48—49, изд. III.

² И. Сталин, „Вопросы ленинизма“, стр. 547—548, изд. XI.

общественного развития действительно и прочно может влиять лишь та осознанная и целенаправленная деятельность, которая исходит из правильного понимания и учета реальных материальных условий жизни, объективных закономерностей развития. Воля и сознание людей превращаются в мощную созидательную силу, когда они содействуют восхождению общества на более высокую ступень развития, когда они преследуют великие прогрессивные цели. Отвергая пассивное, рабское приспособление к существующему, созерцательное отношение к жизни, большевистская партия в духе своей революционной философии воспитывала в массах революционно-критическое отношение ко всему старому, реакционному, стимулировала и направляла их революционную инициативу, внедряла в сознание масс ту мысль, что победа не приходит сама собой, а завоевывается в мужественной, смелой, настойчивой борьбе.

Революционная активность, воспитанная коммунистической партией в эксплуатируемых капитализмом массах, должна была получить и получила качественно новые стимулы для своего дальнейшего роста и развертывания в условиях социалистического строя.

Ленин писал в 1920 году: „Выдержка, настойчивость, готовность, решимость и умение сотни раз испробовать, сотни раз исправить и во что бы то ни стало добиться цели,—эти качества пролетариат вырабатывал себе 10, 15, 20 лет до Октябрьской революции, он вырабатывал их в течение двух лет после этой революции, перенося невиданные лишения, голод, разорение, бедствия. Эти качества пролетариата—порука, что пролетариат победит“.¹ И действительно, под руководством партии большевиков пролетариат России совершил то что казалось невероятным и граничившим с „чудом“.

За весьма короткий исторический срок СССР превратился в могучую социалистическую державу, в непоборимую мировую силу. За три с лишним десятилетия наша страна прошла дорогу, которую в обычных капиталистических условиях невозможно было бы пройти и в течение столетия. Строительство в Советском Союзе развернулось темпами, которые не были известны и не могли быть известны ни одной капиталистической стране. Советское государство взялось за осуществление и успешно осуществило гигантские по масштабам и значимости задачи по освоению сил природы, по переделке природы.

Все, что приходило в столкновение с могучей советской державой, разлеталось вдребезги, находило свое падение и гибель. Еще на ранних стадиях своего существования молодая Советская республика разгромила на голову коалиционные силы мирового империализма и отстояла свое существование.

Чудовищная военная машина германского фашизма, которая с легкостью растоптала большие европейские государства и подняла

¹ Ленин. Соч., т. XXV, стр. 151—152, изд. III.

Англию к краю гибели, была разгромлена и уничтожена вооруженными силами Советского Союза.

Вторгнувшаяся в пределы СССР германская армия нанесла народному хозяйству такие раны, которые оказались бы смертельными для любого другого государства. Известно, что ущерб, нанесенный германским агрессором народному хозяйству Советского Союза и отдельным гражданам СССР, исчисляется цифрой в 679 миллиардов рублей. Но вот, понадобились всего три года после окончания разрушительной войны, чтобы уже в 1948 году валовая продукция промышленности СССР превзошла валовую продукцию довоенного 1940 года на 17 процентов. В том же 1948 году валовый сбор зерновых культур уже достиг уровня 1940 года. И это в условиях, когда ряд буржуазных стран, несравненно менее пострадавших от войны, не в состоянии подняться на ноги, продает США свою государственную независимость и не имеет основания рассчитывать когда-нибудь еще достигнуть своего довоенного могущества.

Самые непримиримые враги советской страны не в состоянии более игнорировать несокрушимую силу Советского Союза, ее растущую мощь. Давно канули в прошлое те времена, когда буржуазные борзописцы могли позволить себе одурять простаков утешительной ложью о том, что СССР — „географическое понятие“, а сталинские пятилетки — „пропагандистские мероприятия“. Настали другие времена, характерные такими событиями, как умопомешательство вояки Форрестала, военного министра бряцающих оружием США, от одной мысли о советских танках.

Враги Советского Союза должны теперь довольствоваться сочинением самых глупых и самых смехотворных „объяснений“ о причинах преуспевания СССР, о причинах таких невероятных темпов его развития, лепетать о „чуде“, о „загадочном „русском сфинксе“, о „таинственных“ методах строительства, вновь вытаскивать на божий свет идиотские домыслы о „принудительном труде“ и, наконец, догадываясь, очевидно, о вздорности всех этих „объяснений“, ворчать о пресловутом „железном занавесе“, который, дескать, не дает возможности разгадать великую загадку XX века.

Враги Советского Союза готовы нагромождать горы лжи и смехотворных „открытий“ об источниках могущества СССР с тем, чтобы не сказать правды.

А эта правда заключается в том, что в СССР восторжествовал социальный и государственный строй, который поднял на вдохновенный, активный и созидательный труд десятки миллионов людей, зажег их великим энтузиазмом, превратил их в сознательных и тем самым свободных, волевых, инициативных деятелей, с растущей производительностью труда которых не может тягаться производительность труда невольников капиталистического производства.

* * *

Исторический материализм вскрыл истинные связи между человеком и социальной средой. Человек не есть раз навсегда данное, неизменное, всегда себе равное метафизическое существо, каким он фигурирует в буржуазно-социологических схемах. Этот абстрактный человек, из „неизменной“ природы которого буржуазная этика и социология пытались дедуцировать все „вечные“ нравственные и правовые нормы, есть не более, как фикция. Нет человека вообще, есть человек, принадлежащий к той или иной общественной формации, к тому или иному общественному классу и нации. Социальная среда в конечном счете определяет его сущность, строй его мыслей, его нравственные максимы. „...Человеческая сущность,—писал Маркс,—не есть нечто абстрактное, присущее отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений“.¹

Коренная ломка старого буржуазно-помещичьего порядка в нашей стране, возникновение новых социалистических отношений, нового государственного строя создали условия для рождения нового советского человека со своим особым миропониманием, со своим особым психическим складом, со своей моралью.

Творческая активность является одной из отличительных черт этого человека. Созидательная деятельность, инициатива, высокая производительность труда советского человека обусловлены самым характером социалистических производственных отношений, общественной собственностью на средства производства, отсутствием в советском обществе эксплуатации человеческого труда, распределением произведенных продуктов по труду „согласно принципу: „кто не работает, тот не ест“. „Поэтому производительные силы развиваются здесь ускоренным темпом, так как соответствующие им производственные отношения дают им полный простор для такого развития“.²

Социалистический строй избавил человека от разрушительных экономических кризисов и их жестоких последствий—безработицы, нищеты, голода, от гнетущего страха за завтрашний день. Великая революция освободила производителей материальных и духовных ценностей от унижительного подневольного труда, сделала их полноправными хозяевами всех богатств, которыми располагает страна.

Принцип частной собственности на средства производства—этот социальный источник индивидуализма, животного эгоизма, насилия, преступности, порчи человеческих нравов был заменен у нас принципом общественной, социалистической собственности. Впервые миллионы людей получили возможность работать не на обогащение своих господ, своих классовых врагов, а на самих себя, на свое государство, на свою родину, превратившейся из мачехи в родную мать.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 590.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, XI изд., стр. 558.

Уже один этот факт должен был стать могучим источником трудового энтузиазма освобожденных от ига капитализма масс. „Сознание того, говорит товарищ Сталин, что рабочие работают не на капиталиста, а на свое собственное государство, на свой собственный класс, — это сознание является громадной двигательной силой в деле развития и усовершенствования нашей промышленности“.¹

Победивший социалистический строй прочно и гармонично связал личные интересы с интересами общественными. Социалистическая система открыла неисчерпаемые возможности для счастья и благополучия масс. Овладение этим счастьем обусловлено лишь необходимостью честной работы, ибо размеры благ личности в социалистической стране определяются лишь количеством и качеством общественно-полезного труда, затрачиваемого гражданином.

В руках освобожденного народа оказалась государственная власть, не имеющая иных интересов, кроме интересов самого народа, такая власть, которая является в руках народа великим оружием охраны его свободы и благополучия от всех и всяческих вражеских поползновений, могучим фактором развития и укрепления его социалистического хозяйства. Впервые в лице советской власти восторжествовала подлинная демократия, новый государственный строй, рожденный трудовым народом, выражающий волю народа.*

Великий социальный и политический переворот, осуществленный под руководством партии большевиков, на огромных территориях бывшей Российской империи, избавил человека от всех форм экономического, политического, духовного порабощения, поднял его на ноги, дал знать ему об исполинских силах, которые таятся в нем, превратил труд из зазорного и тяжелого бремени „в дело чести, в дело силы, дело доблести и героизма“ (Сталин).

Энгельс писал, что с победой социалистических отношений „общественный строй, до сих пор являющийся людям как бы дарованным свыше природой и историей, будет их собственным свободным делом. Объективные внешние силы, господствовавшие над историей, прступят под контроль человека. И только тогда люди начнут вполне сознательно сами создавать свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени желаемые действия“.²

С крушением капиталистических порядков в СССР анархия общественного производства уступила место плановой организации хозяйства. Жизненные условия, господствующие при капитализме над человеком, подпали в социалистическом обществе под власть и контроль людей. Миллионы граждан СССР, руководимые коммунистической партией, превратились в господ своих собственных общественных отношений, начали сознательно и властно направлять свою ис-

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, X изд., стр. 185.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 286—287.

торию и тем самым получили возможность впервые стать действительными и сознательными повелителями природы.

Совершенно закономерно, что именно СССР стал родиной великого мичуринского учения, родиной великих революционных усилий по целенаправленному изменению животного и растительного миров в интересах человека и где уже достигнуты замечательные результаты на этом поприще. В лице морганизма-менделизма было разгромлено реакционное, идеалистическое и метафизическое направление в биологии, которое в корне противоречило основным принципам мировоззрения советских людей, их активной, творческой природе.

Только коммунистическая партия и правительство советского народа могли выдвинуть величественный план полезащитных лесонасаждений и внедрения травопольных севооборотов, осуществление которого даст возможность советскому человеку не приспособляться к климату, но изменить его в своих целях, высвободиться из-под власти стихийных природных сил и добиться устойчивых урожаев.

Никогда еще сознание и воля людей не играли и не могли играть такой роли в общественном развитии, какую они играют в социалистической стране.

Вся предыдущая история не знала и не могла знать такого цельного и волевого человека, каким является советский человек. Большевицкая партия воспитала в нем непримиримость ко всем видам и разновидностям фаталистического преклонения перед стихийностью и самотеком, к пассивному приспособлению к ходу вещей, к созерцательному отношению к жизни. Природе этого человека чужд разрыв между мечтой и средствами ее осуществления, между идеалом и действительностью. Этой активной природе советского человека абсолютно чужды как черты гамлетизма и обломовщины, так и маниловщины и фантастического сочинительства. Он человек дела, большого, возвышенного и вдохновляющего дела. Стиль ленинизма—соединение русского революционного размаха со строгой деловитостью—становится стилем работы миллионов советских людей. Русский революционный размах, охарактеризованный товарищем Сталиным как противоядие „против косности, рутины, консерватизма, застоя мысли, рабского отношения к дедовским традициям“, русский революционный размах, являющийся той живительной силой, которая „будит мысль, двигает вперед, ломает прошлое, дает перспективу“,—гармонически сочетается в характере истинного советского человека со строгой деловитостью, с той неукротимой силой, „которая не знает и не признает преград, которая размывает своей деловитой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело, если это даже небольшое дело, и без которой немыслима серьезная строительная работа“.¹

¹ И. Сталин. „Вопросы ленинизма“, стр. 76, изд. XI.

Страсть борьбы за новое и передовое, перенапряжение воли для сокрушения на этом пути всего того, что противодействует и сопротивляется, стала источником душевной радости советского человека. Он чуждается мертвого покоя, самоуспокоенности и застоя. Движение, развитие, борьба с трудностями составляют его стихию.

Социальная природа активности советского человека коренным образом отличается и противоположна активности буржуа.

Всем своим существом буржуазное общество стремится сделать активность достоянием привилегированных одиночек и обречь на пассивность, лишить воли и энергии массы. Это и понятно, ибо власть незначительного меньшинства над подавляющим большинством может удержаться лишь до тех пор пока массы пассивны, пока они не осознали свои силы и свои цели. Капитализм признает лишь такую „активность“ масс, которая направлена на увеличение прибавочной стоимости, такую „активность“, которая выражается в готовности миллионов терроризованных и обманутых людей безропотно переносить бесчеловечные страдания и „доблестно“ умирать на полях сражения во имя интересов и прибылей капиталистических фирм.

Рожденное кровными интересами буржуазного порядка обезвоживание масс, лишение их энергии и инициативы нашло свое выражение в буржуазной литературе, искусстве, философии, в противопоставлении активности отдельного индивида пассивности масс. Идеалистическая философия Фихте, которую часто именовали философией активности, есть теоретическое выражение индивидуалистической активности отдельного индивида буржуазного мира, одиночки, который чувствует себя тем более деятельным, чем сильнее противопоставляет себя пассивной массе, рассматривает себя одухотворяющим, движущим, направляющим началом этой косной и лишённой собственной энергии массы. Высшая форма активности, деятельности я в философии Фихте выражается в том, что я творит для себя, не—я, внешний материальный мир.

Это реакционное, типично буржуазное противопоставление активной личности пассивной массе нашло свое дальнейшее развитие в буржуазной философии эпохи империализма и, в особенности мрачной, человеконенавистнической и мистической философии Ницше. Вся система этой философии зверства построена на абсолютном противопоставлении сверхчеловека пассивной массе, которую Ницше с циничной развязанностью и бесстыдством называет стадом. Воля к власти, подавление всех форм чужой активности—вот в чем Ницше видит смысл жизни. Оказывается, что даже протоплазма поглощает пищу не для насыщения чувства голода, а для... проявления власти, для подавления чужой активности. „Всякая победа, — пишет Ницше, — всякое чувство удовольствия, всякий процесс предполагает устраненное сопротивление.

Возьмем самый простой случай, — случай примитивного питания: протоплазма вытягивает свои псевдоподии. Чтобы отыскать нечто

такое, что окажет ей сопротивление,—не из чувства голода, а из воли к власти".¹

Художественная литература с достаточной полнотой отобразила характер активности буржуазного дельца. Узко-эгоистический интерес, стремление к наживе, к захвату чужого добра, к порабощению и эксплуатации другого человека—вот источники вдохновения и активности этой личности. Основная заповедь философии Ницше „сильный да пожирает слабого“ достаточно четко выражает умонастроение и поведение буржуа. Один из героев Джек Лондона капитан Ларсен—сверхэнергичная, волевая и деятельная натура, человек без совести и морали—поучает своего собеседника: „Если смотреть с точки зрения спроса и предложения, то жизнь самая дешевая вещь на свете. Природа рассыпает ее щедрой рукой. Где есть место для одной жизни, там она сеет тысячи и везде жизнь пожирает жизнь, пока не остается лишь самая сильная и свинская".² Сам Ларсен пытается не оказаться в числе слабых. Он направляет всю свою волю, чтобы подавлять чужое право на жизнь, подчинить себе всякую противостоящую ему волю по формуле: „Волк силен, а волчья порода не терпит силы в других". Рассуждая о своем сильном и хорошо сложенном теле, Ларсен заявляет: „Все в этом теле приспособлено для пользы. Эти мускулы созданы для того, чтобы хватать и рвать, уничтожать то живое, что станет между мной и жизнью. Но подумали ли вы о других живых существах? У них тоже как ни как есть мускулы, также предназначенные для того, чтобы хватать, рвать и уничтожать. И когда они становятся между мною и жизнью, я хватаю их, рву на части, уничтожаю".³

Такова индивидуалистическая, глубоко аморальная и человеконенавистническая природа буржуазной активности. Эта активность одиночки, которая для своего утверждения должна подавить активность другого и в пассивности окружающей среды видит свое высшее торжество.

В современной растленной буржуазной философии эта активность буржуазного хищника и дельца находит свое типичное выражение и обоснование в прагматизме с его „откровением", согласно которому истинным является то, что полезно. Если вам удалось успешно поработить, ограбить другого, расправиться со своим конкурентом, растоптать и пустить его по миру, то действия ваши правильны, ибо единственным критерием истины являются успех, удача, бизнес. Такова разбойничья сущность прагматизма, прагматического восхваления активности, действительности, предприимчивости, личной инициативы.

Принципиально иного порядка природа активности человека советского общества. Это не активность изолированных одиночек, а активность масс. Если, как мы уже отмечали, сознательность и дейст-

¹ Ф. Ницше. „Воля к власти". Москва, 1910 г., стр. 345.

² Д. Лондон. „Морской волк", Москва, 1941, стр. 54.

³ Там же, стр. 102.

венность „простых людей“ является смертельной угрозой для существования буржуазного общества, то советский строй для своей победы требует ясного сознания, кипучей энергии, творческой инициативы и вдохновенного труда миллионов свободных людей. Построение социалистического общества мыслимо лишь как осознанный, организованный, плановый процесс и, следовательно, все формы принижения сознательности и энергии масс, всякая ставка на стихийность и самотек равнозначны отрицанию возможности построения социализма.

„... Только трудовой подъем и трудовой энтузиазм миллионов масс может обеспечить тот поступательный рост производительности труда, — учит товарищ Сталин, — без которого немыслима окончательная победа социализма над капитализмом“.¹

Вот почему злейшие враги большевистской партии и советского народа всемерно стремились принизить, сковать революционную активность и инициативу масс. Этой цели служило отрицание троцкистскими предателями возможности построения социализма в СССР силами рабочего класса и крестьянства нашей страны. Подобными контрреволюционными измышлениями троцкисты рассчитывали подавить трудовой энтузиазм советского народа, его волю к победе. Как говорил товарищ Сталин, — „Отнимите у него (рабочего класса СССР — Х. М.) уверенность в возможности построения социализма — и вы уничтожите всякую почву для соревнования, для трудового подъема, для ударничества“.²

В свою очередь правые предатели своими „теоретическими“ вымыслами о затухании классовой борьбы, мирного вращивания кулака в социализм, своей пресловутой „теорией самотека“ пытались дезориентировать партию, сорвать наступательный порыв трудящихся масс, их организованную, целеустремленно направленную смелую и настойчивую борьбу за уничтожение капиталистических элементов и построение бесклассового социалистического общества.

Таким образом, если буржуазный строй как смерти своей боится активности масс, то социалистическое общество, его существование, его развитие невозможно без трудовой и политической активности и инициативы миллионов граждан, руководимых коммунистической партией. Поступательный рост сознательности и активности масс есть неременное условие развития социалистического общества.

Мы говорили выше, что подавление чужой активности есть предпосылка буржуазной, индивидуалистической активности. В социалистическом же обществе, где нет антагонистических классов, разрыва между личным и общественным интересом, где народ выступает в своем морально-политическом единстве и где каждый сознательный гражданин вдохновлен общим для всех идеалом, активность одного индивида не подавляет, а развязывает активность другого

¹ И. Сталин, „Вопросы ленинизма“, стр. 265, изд. XI.

² И. Сталин, „Вопросы ленинизма“, изд. X, стр. 418.

индивида. Свою силу и успех личность видит не в противопоставлении себя окружающей среде, а в органическом единстве с ним. Активность коллектива является прочной основой ее собственной активности.

В отличие от активности буржуа, активность советского человека рождена не узко-эгоистическими интересами и мелкими страстями. Личный интерес этого человека сливается с интересами целого, с интересами его народа, идущего во главе передового человечества и указывающего ему путь к высшей форме человеческого общежития. Светлый оптимизм и неугасаемый творческий порыв советского человека зиждется на научно-обоснованном убеждении, в правоте и в неизбежности торжества справедливых и возвышенных целей, за которые борется его Родина. Свою неустрашимость и стойкость он черпает из пламенной любви к Родине, сделавшей его подлинным человеком, вдохновившей его поистине великими и поистине человеческими целями и стремлениями, а известно, что „великая энергия рождается лишь для великой цели“ (Сталин).

Если активность в мире буржуазных „дельцов“ свое массовидное выражение получает в капиталистической конкуренции, то трудовая активность советского человека, его творческая природа обнаруживается в социалистическом соревновании, в ударничестве и в высшей его форме—в стахановском движении.

„Социалистическое соревнование и конкуренция,—пишет товарищ Сталин,—представляют два совершенно различных принципа. Принцип конкуренции: *поражение и смерть одних*, победа и господство других. Принцип социалистического соревнования: товарищеская *помощь* отставшим со стороны передовых, с тем, чтобы добиться *общего* подъема. Конкуренция говорит: *добивай отставших*, чтобы утвердить свое господство. Социалистическое соревнование говорит: одни работают плохо, другие хорошо, третьи лучше,—*догоняй лучших* и добейся *общего* подъема. Этим, собственно, и объясняется тот небывалый производственный энтузиазм, который охватил миллионные массы трудящихся в результате социалистического соревнования. Нечего и говорить, что конкуренция никогда не может вызвать чего-либо похожего на подобный энтузиазм масс.“¹

В капиталистической конкуренции и в социалистическом соревновании наиболее концентрированно и отчетливо обнаруживаются противоречия социальной природы активности при капитализме и социализме. Цель капиталистической конкуренции—любыми доступными средствами опрокинуть и раздавить своего конкурента. Здесь в специфической форме проявляется животный принцип борьбы за существование. В своем развитии капиталистическая конкуренция неизбежно приводит к подавлению и численному сокращению конкурирующих. Крупное капиталистическое производство с исторической неиз-

¹ „Ленин и Сталин о труде“, Москва, 1940, стр. 443-444.

бежностью разрушает мелко-товарное производство, исключает из числа конкурирующих миллионы мелких производителей. Дальнейшее развитие капиталистической конкуренции есть ни что иное, как поедание более слабосильных хищников крупными и концентрация капиталов и власти в руках малочисленной финансовой олигархии.

Таким образом развитие капиталистической конкуренции есть самое беспощадное подавление предприимчивости, активности и инициативы миллионов.

„Буржуазные писатели,—говорил Ленин,—исписали и исписывают горы бумаги, воспевая конкуренцию, частную предприимчивость и прочие великолепные доблести и прелести капиталистов и капиталистического порядка. Социалистам ставили в вину нежелание понять значение этих доблестей и считаться с „натурой человека“. А на самом деле капитализм давно заменил мелкое товарное самостоятельное производство, при котором конкуренция могла в сколько-нибудь *широких* размерах воспитывать предприимчивость, энергию, смелость почина, крупным и крупнейшим фабричным производством, акционерными предприятиями, синдикатами и другими монополиями. Конкуренция при *таком* капитализме означает неслыханное зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина *массы* населения, гигантского большинства его, девяносто девяти сотых трудящихся, означает также замену соревнования финансовым мошенничеством, деспотизмом, прислужничеством на верху социальной лестницы“.¹

В отличие от капиталистической конкуренции, социалистическое соревнование, выражая истинно-человеческие отношения, стремится общими усилиями поднять благосостояние всех и каждого члена социалистического общества. Люди, принимающие участие в социалистическом соревновании не антагонисты, а создатели одного и того же общего дела. Успех одного содействует успеху другого, опередивший помогает отставшему преодолеть свое отставание. Передовики, одержавшие крупные производственные успехи, с готовностью делятся своим опытом, передают отстающим „секреты“ этих успехов, пути и методы их завоевания.

Если развитие капиталистического общества есть процесс неуклонного сокращения числа конкурирующих и зверского подавления инициативы и энергии масс, то развитие социализма есть одновременно невиданный количественный рост соревнующихся, непрерывный процесс роста творческих усилий миллионов.

„Социализм,—указывал Ленин,—не только не угашает соревнование, а напротив, впервые создает возможность применить его действительно *широко*, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить

¹ Ленин. Соч., III изд., т. XXII, стр. 158.

таланты, которых в народе — непочатой родник и который капитализм мямл, давил, душил тысячами и миллионами".¹

Если в первые годы соревнования советского общества число соревнующихся исчислялось тысячами и то преимущественно в среде рабочего класса, в 1930 году — 2 миллионами, то в своем дальнейшем развитии социалистическое соревнование охватило десятки миллионов людей. Оно перекинулось в колхозы и совхозы, охватило ряды советской интеллигенции, становясь все многообразнее и выражаясь в новых, в более развитых формах. Достаточно отметить, что в настоящее время социалистическое соревнование охватило 90% всех рабочих, инженерно-технических работников и служащих.

Социалистическое соревнование — это массовое выражение творческой активности советского человека, сыграло выдающуюся роль в успешном выполнении сталинских пятилетних планов. Определяя основные факторы, обеспечившие выполнение первого пятилетнего плана в четыре года, товарищ Сталин указывал:

„Это прежде всего, активность, энтузиазм и инициатива миллионов масс рабочих и колхозников, развивших вместе с инженерно-техническими силами колоссальную энергию по развертыванию социалистического соревнования и ударничества. Не может быть сомнения, что без этого обстоятельства мы не могли бы добиться цели, не могли бы двинуться вперед ни на шаг.“²

В ожесточенной борьбе за социализм с большей отчетливостью обнаружился облик советского человека, неутомимого труженика, охваченного жаждой деяния, человека с ясным сознанием и непреклонной волей, всегда преисполненного патриотической готовности стойко идти навстречу трудностям и мужественно их преодолевать.

Укрепление мощи социалистической промышленности, ее оснащение передовой техникой, неустанные заботы партии и советского государства о росте материального благополучия и культурно-политического уровня советских людей породили великое стахановское движение. Из недр народных масс поднялись тысячи и тысячи смелых и инициативных людей, освоивших высокую советскую технику, охваченных непреодолимым желанием опрокинуть устаревшие технические нормы и превзойти их во много раз. Капиталистический мир не знал и не мог знать подобных новаторов, подлинных революционеров в промышленности из рабочих. Только советская действительность где политическая свобода дополняется благами материальными, где труд является не унижительным процессом обогащения эксплуататоров, а делом чести, могла стать родиной стахановского движения.

Великая Отечественная война явилась новым и поистине грозным испытанием стойкости и упорства советского человека, испытанием всех его моральных качеств, всех особенностей человека

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 158, изд. III.

² И Сталин „Вопросы ленинизма“, стр. 396, изд. XI.

социалистического общества. Советский народ, его войны показали, что нет таких крепостей, которые устояли бы перед натиском масс, охваченных великими и благородными идеалами века, движимых животворящим советским патриотизмом.

Понятие героизма в буржуазном мире исключает понятие массовости. Герои—это обособленные одиночки, возвышающиеся над серой массой, потому они и, собственно, герои. Массовый героизм, кстати сказать, немислимое явление в буржуазной среде, согласно буржуазным представлениям перестает быть героизмом. Только в условиях социалистического общества героизм мог и принял массовый характер, получил новое содержание и новые формы проявления. С этим враг с особой осязательностью должен был убедиться на полях сражения.

Каждая ложбина, каждый бугорок защищаемой советской земли рождали героя. Высокое патриотическое сознание подавило биологический инстинкт самосохранения и побежденный страх смерти должен был отступить.

Перед врагом предстали миллионы людей, готовых перенести любые тяготы, лишения и страдания, способных продержаться в самых невероятных и невыносимых условиях, охваченных страстью раздавить врага любой ценой.

Партия большевиков сконцентрировала и направила к единой цели волю и энергию этих миллионов воспитанных ею мужественных, стойких, неукротимых в своей активности людей, разгромить фашизм и спасти человечество от грозной опасности. Тем самым еще раз была продемонстрирована вся сила марксистско-ленинского учения о гигантской роли сознания и воли в историческом процессе, когда это сознание и воля направлены на утверждение прогрессивного дела.

Победоносно завершив Великую Отечественную войну, советский народ перешел к мирному созидательному труду. С огромным воодушевлением народные массы СССР трудятся за досрочное выполнение послевоенного пятилетнего плана.

К станкам и на колхозные поля вернулись люди, которые преодолели на полях сражения безмерные трудности и не раз смотрели смерти в глаза.

Советский писатель Павленко в романе „Счастье“ обрисовал волнующий облик одного из тех, которые, сломав хребет фашистской армии, вернулись к мирному труду. Это—полковник Воропаев. Он вышел из войны обескровленным, физически разбитым, лишенным одной ноги. Туберкулез медленно пожирал его организм. В этих условиях он был демобилизован из армии, которая продолжала еще сражаться.

Первая мысль, которая приходит в голову этому больному и уставшему воину это—мысль об отдыхе. Он перебирается на южный берег Крыма с желанием приобрести небольшой домик и прожить

свои последние годы, а возможно и последние месяцы в покое и уединении. Однако понадобилось не много времени, чтобы Воропаев убедился бы во всей иллюзорности своих скромных желаний. Дело, конечно, не в том, что для заслуженного воина не нашлось уютного дома на советской земле и средств к безбедному существованию. Все это не представляло трудностей, но вот куда сложнее оказалось идти против своей собственной природы, природы советского труженика, видящего смысл своей жизни, смысл своего счастья в созидательном труде, в борьбе за улучшение жизни людей.

Разрушительный шквал войны прошел и по чудесному Крыму. Прекрасные дворцы—санатории, лечебницы и дома отдыха всесоюзной здравницы лежали в развалинах. Сиротливо торчащие дымоходы развалившихся мирных хат колхозников безмолвно свидетельствовали о разрушительной ярости вандалов, огнем и мечом прошедших по этим землям. Враг переворошил, растоптал, сжег все, что попало под руку. Перед глазами полковника предстали разрушенные колхозы, тысячи людей, потерявших кров и ютившихся в развалинах, тысячи людей на миг сбитых с толку разрушительным ураганом.

В этих условиях больные легкие и отсутствие одной ноги были слабыми препятствиями для Воропаева, чтобы стремглав не броситься в водоворот жизни, не поднять, вдохновить, организовать людей, не повести их на штурм точно так, как недавно еще он бросал своих бойцов на укрепление врага и сравнивал их с землей. Воропаев нашел свой покой, свое счастье в бурной, ожесточенной, ни на миг не стихавшей борьбе за жизнь.

Благородная патриотическая задача выполнения послевоенной пятилетки в четыре года воспламенила душу советского народа, вдохновила на новые изумительные трудовые подвиги рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенцию Советской страны. С особой осязательностью оправдались пророческие предвидения Ленина о том времени, когда гигантские, неисчерпаемые, всесокрушающие потенциальные силы, таящиеся в народных массах прорвутся наружу, когда эта неизмеримая созидательная революционная энергия, мудро направляемая большевистской партией, не только сравняет с землей все устои и остатки капиталистического строя, но в короткие исторические сроки превратит коммунизм из желанной цели в реальную действительность.

Теперь мы на пороге коммунистического общества и залогом нашей победы является новый, могучий взлет творческой энергии миллионов созидателей коммунизма.

Социалистическое соревнование охватило уже 90 процентов всех рабочих, инженерно-технических работников и служащих. В поразительных темпах стахановцы заводов и фабрик опрокидывают устаревшие нормы и устанавливают новые, которые несколько лет тому назад могли бы показаться невероятными. Уже в текущем году десятки тысяч людей выполнили свои планы и работают в счет

1950, 1951, 1952 годов. Ключом бьет творческая активность колхозного крестьянства. Золотые звезды украшают груди тысяч передовиков сельского хозяйства и, что важнее всего, достижения героев подхватываются массами.

Есть все основания полагать, что послевоенная пятилетка, эта важнейшая веха на путях нашего постепенного перехода к коммунизму будет выполнена досрочно.

Партия устами товарища Сталина изложила программу дальнейшей борьбы за новый мощный подъем производительных сил СССР. „Нам нужно добиться того,—сказал товарищ Сталин,—чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать и мы должны его сделать“.¹

Осуществление этой величественной программы развития социалистического общества, его производительных сил зависит больше, чем когда-либо прежде, от сознательной и организованной деятельности миллионов, от их воли и энтузиазма, от ясного и отчетливого понимания исторических задач, стоящих перед страной. От дальнейшего роста политической и трудовой активности советского народа зависит сокращение сроков перехода к коммунизму. Было бы глубоко ошибочно думать, что постепенный переход от социализма к коммунизму является стихийным, автоматическим процессом. Напротив, переход к коммунизму возможен лишь в результате огромного волевого напряжения всех сил советского народа, его растущей мощи и мобилизованности против всех возможных угроз и провокаций капиталистического мира.

В этой борьбе за коммунизм еще более возрастает роль большевистской партии, Советского государства как могущественных факторов мобилизации и направления всех усилий советского народа, в организации активности масс, ибо сама эта активность требует для своего роста и развития неустанной организации и направления со стороны партии и Советского государства. Известно с какой беспощадностью Ленин в свое время разоблачал „левых“ коммунистов и прочих врагов партии, которые сопротивлялись организации трудовой дисциплины, пытались сорвать борьбу против мелкобуржуазной распушенности, дискредитировать мероприятия партии по повышению производительности труда.

Известно, с какой решимостью партия под руководством товарища Сталина громила бюрократические путы, сковывавшие рост трудового энтузиазма масс. „Социалистическое соревнование, гово-

¹ Речь товарища И. В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа гор. Москвы 9 февраля 1946 года.

рил товарищ Сталин в 1929 году, есть выражение деловой революционной *самокритики* масс, опирающейся на творческую *инициативу* миллионов трудящихся. Всякий, кто стесняет, сознательно или бессознательно, эту самокритику и эту творческую инициативу масс, должен быть отброшен прочь с дороги, как тормоз нашего великого дела".¹

Решительное преодоление противодействия со стороны всех рутинеров, консерваторов от промышленности, „предельщиков“, явилось одним из неперенных условий мощного разворота стахановского движения.

Организация активности масс требует беспощадного разоблачения и отстранения тех, кто лишен чувства нового и тормозит рост социалистического соревнования.

Одним из решающих факторов дальнейшего трудового подъема СССР является укрепление социалистической сознательности народных масс, их дальнейшее вооружение великими организующими, мобилизующими и просвещающими идеями партии Ленина—Сталина. „От успехов коммунистического воспитания,—говорит товарищ Молотов,— в широком значении этого слова, коммунистического воспитания, охватывающего всю массу трудящихся и всю советскую интеллигенцию,— прежде всего, от наших успехов в этой области, зависит решение всех остальных задач".²

Но борьба за укрепление и развитие социалистической сознательности масс немыслима без упорной и последовательной борьбы против всех пережитков капитализма в сознании людей, ибо активностью обладают не только прогрессивные, но и реакционные идеи, повадки и привычки в том смысле, что они, эти реакционные идеи, способны мешать, тормозить, ослаблять наши темпы продвижения.

Исключительная роль социалистического сознания в общественном развитии СССР в дальнейшем подъеме патриотического энтузиазма, энергии и инициативы масс предопределяет непримиримое отношение большевистской партии ко всем остаткам чуждых и враждебных „теорий“ и „концепций“. Беспощадное разоблачение и преодоление всех форм буржуазного влияния всех остатков антимарксистских идей и представлений в области науки, литературы и искусства является неперенным условием создания духовных ценностей, способных вооружить советских людей, взволновать, воспламенить их души, приумножить их силы в борьбе за коммунистическое общество.

Одним из самых отвратительных и ядовитых пережитков капитализма является низкопоклонство перед иностранщиной, недооценка творческих возможностей и созидательной деятельности народов СССР, их прошлой передовой культуры, их изумительной роли в

¹ „Ленин и Сталин о труде“, стр. 443.

² В. Молотов. Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР, 1939, стр. 47.

развитии мировой культуры. Только рабы души могли млет перед „авторитетом“ какого-нибудь жалкого заграничного декадента или бездарного компилятора и бросать тень на титанов научной мысли и художественного слова, как Ломоносов и Радищев, Белинский и Чернышевский, Пушкин и Толстой. Только рабы души могли не видеть всего величия советского народа, идущего ныне в авангарде человечества, вдохновляющего и заражающего энтузиазмом всех передовых людей мира своими достижениями, своей светлой, гуманной, жизнеутверждающей идеологией.

Отдельные отщепенцы, пробравшиеся на те или иные участки нашего идеологического фронта пытались противопоставить животворному советскому патриотизму, этому великому и неиссякаемому источнику вдохновения и кипучей созидательной энергии советских людей лживые и демобилизующие космополитические измышления, рожденные в стане наших врагов, в стане американских и английских плутократов и хищников.

Низкопоклонство перед иностранщиной, космополитическое словоблудие были своим ядовитым острием направлены против национальной гордости советских людей, их пламенной веры в свои собственные силы, в силы своей могучей социалистической родины.

Капиталистические пережитки в сознании людей не исчезают сами собой, автоматически, в результате победы социалистических отношений. Пережитки капитализма преодолеваются активной борьбой. В этой борьбе советский народ вооружен таким всесильным оружием, каким являются критика и самокритика.

Капиталистические отношения, порожденный ими глубокий индивидуализм буржуазного мировоззрения препятствовали даже лучшим представителям прогрессивной в свое время буржуазии понять творческий характер критики. „Человек,—писал Гельвеций,—способный написать хорошую книгу, не забавляется критикой чужих книг... Неспособность самостоятельно творить порождает критика. Его профессия жалкая“.¹

Критика и самокритика, являющиеся законом развития советского общества, находятся в полном соответствии с активной природой советского человека, всегда непримиримого ко всем формам отсталости, ко всему отжившему и задерживающему поступательное развитие, движение к новому, прогрессивному. Критика и самокритика являются специфической формой проявления борьбы между старым и новым в советском обществе, одной из движущих сил этого общества. Тем самым всякая попытка подавления критики и самокритики, умаление их значения реакционны в основе своей, ибо направлены против чувств нового и утверждения этого нового, против созидательной активности советских людей—этого источника силы и могущества СССР.

¹ Гельвеций, „О человеке“, Соцэкгиз, 1938, стр. 152.

Организовать активность масс это означает убрать с дороги все, что препятствует дальнейшему росту социалистического соревнования и стахановского движения. Это связано с преодолением всякой косности и рутины, всех предельческих „теорий“ и настроений, всех остатков бюрократизма, бюрократического принижения инициативы, здорового почина масс. Эта организация активности масс означает также преодоление всех остатков мелко-буржуазных уравнилельных тенденций в зарплате. Предпочтение в ударности,—учил Ленин,—есть предпочтение и в потреблении.

Не вызывает сомнения, что стахановский труд, являющийся социалистическим по времени своего происхождения и сущности, с большой отчетливостью обнаруживает элементы труда коммунистического, определенного Лениным, как „труд вне норм, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу,—труд, как потребность здорового организма“.¹

Было бы ошибочно думать, что стахановцы, выполняющие несколько норм, движимы исключительно стремлением увеличения заработка. Всякий социалистический труд, а в особенности стахановский, невозможно понять без учета благородных патриотических побудительных мотивов. В этом, бесспорно, проявляется родство стахановского труда с будущим коммунистическим трудом. Но, однако, было бы глубоко ошибочным на этом основании полагать, как до этого додумались некоторые оторванные от жизни горе-теоретики, что будто бы уже на данном этапе нашего развития социалистический принцип оплаты труда изжил себя и время уже его упразднить.

Точно так же, как мы идем к будущему отмиранию государства через максимальное укрепление Советского государства, точно так же к коммунистическому принципу распределения мы идем путем твердого, неукоснительного соблюдения и укрепления социалистического принципа распределения.

Твердое соблюдение социалистического принципа оплаты труда является одним из важнейших условий дальнейшего подъема производительности труда, трудового подъема народных масс СССР.

• •

„После того,—говорил товарищ Сталин в докладе на XVII съезде партии,—как правильность политической линии партии подтверждена опытом ряда лет, а готовность рабочих и крестьян поддержать эту линию не вызывает больше сомнений,—роль так называемых объективных условий свелась к минимуму, тогда как роль наших организаций и их руководителей стала решающей, исключительной. А что это значит? Это значит, что ответственность за наши прорывы

¹ Ленин. Соч. т. XXV, стр. 151, изд. III.

и недостатки в работе ложится отныне на девять десятых не на „объективные“ условия, а на нас самих и только на нас“.¹

За годы, прошедшие после того, как были сказаны эти слова, в упорном труде за построение социалистического общества, в огнях Великой Отечественной войны во стократ возросло и закалилось единство советского народа, еще теснее сплотился он вокруг коммунистической партии.

Теперь больше, чем когда-либо, так называемые объективные условия потеряли свое значение и, наоборот, уровень сознательности, воли, активности, организованности наших кадров, нашего народа стали важнейшими и решающими факторами победы коммунизма в СССР.

Эта исключительная роль сознания и организованности в развитии экономики Советского Союза, во всей совокупности нашей социалистической жизни обусловлена тем, что партия и Советское государство ставят и разрешают задачи, которые составлены с точным учетом наших возможностей, с точным учетом уровня развития условий материальной жизни советского общества.

Три основные силы, как указывал товарищ Сталин, обеспечили победу социализма в СССР: активность, самоотверженность и патриотическая инициатива миллионных масс Советского Союза, твердое и мудрое руководство большевистской партии и Советского государства, поднявших эти массы на борьбу за социализм и, наконец, превосходство и преимущество советской социалистической системы хозяйства, которая таит в себе колоссальные возможности для преодоления всех и всяких трудностей.

Эти три великие силы действуют с возрастающей мощью и они обеспечат построение коммунизма в СССР вопреки беснованиям обреченных на смерть сил империализма.

¹ И. Сталин. „Вопросы ленинизма“, стр. 590, изд. X.